

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новос
Литературное
Обозрение

FRANCESCO PAOLO
DE CEGLIA

VAMPYR

STORIA NATURALE
DELLA RESURREZIONE

GIULIO
 EINAUDI
 EDITORE

TORINO
 2023

ФРАНЧЕСКО ПАОЛО
ДЕ ЧЕЛЬЯ

ВАМПИР

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
ВОСКРЕШЕНИЯ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА
2025

УДК 392.28:94(4)«17»

ББК 63.3(4)51-7

Д11

Редактор серии Л. Оборин

Де Челья, Ф. П.

Д11 Вампир: Естественная история воскрешения / Франческо Паоло Де Челья; пер. с ит. А. Строкиной.— М.: Новое литературное обозрение, 2025.— 592 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2722-2

Было время, когда вампиры населяли Центральную и Восточную Европу и готовы были захватить весь континент. По крайней мере, так утверждали газеты, согласно которым на Рождество 1731 года мертвецы восстали из могил и решили объявить войну живым. В своей книге Ф. П. Де Челья рассматривает историю вампиров в Европе как беспримерную моральную панику, заставлявшую даже просвещенных людей бояться выходцев с того света и выкапывать из могил тела ни в чем не повинных усопших, чтобы предать их сожжению или проткнуть колом. Автор увлекательно и иронично рассказывает о том, как идеи вампиризма и возвращения с того света существовали в славянских, финно-угорских, романских, германских, скандинавских культурах; о том, почему местом обиталища кровососов представлялась Трансильвания; о том, как после книги Б. Стокера образ вампира освоила массовая культура. Франческо Паоло Де Челья — историк науки, профессор Университета имени Альдо Моро в Бари, научный сотрудник Института истории науки им. Макса Планка (Берлин).

УДК 392.28:94(4)«17»

ББК 63.3(4)51-7

Фото на обложке: Midjourney 5.2 / Freepik

© 2023 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

© А. Строкина, перевод с итальянского, 2025

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
Благодарности	18
Глава первая. Рождество воскрешения. <i>Вампиры</i>	20
Рождество, когда мертвые вернулись	20
Безусловные виновницы.	
Покойницы, восставшие от одиночества	24
Второе Рождество той же зимы	27
Нулевой пациент	31
Вскрытия вампиров	33
История перемещается в Венгрию	39
Глава вторая. Злые ветра с юго-востока. <i>Гуль</i>	45
Грохот мира	45
Во всем виноваты османы	51
Империализм и его «созданный дикарь»	57
Почему у Петара не получилось?	61
Заразный, как чума	69
Глава третья. Сродни сновидениям.	
<i>Инкубы и ночные кошмары</i>	72
А на третий день ты умрешь	72
Пыл остывших	80
Робкие морои	86
Последняя ночь	93
Социальное измерение сновидений	98
Вампиризм как болезнь	101
Глава четвертая. Сокровища в могиле. <i>Дети-вампиры</i>	105
Инкуб, ставший вампиром	105
Первый упырь	111
Гурманы — ценители росы и молока	116

Леденящее прикосновение мертвеца	120
Мистические поиски могилы	126
Не открывайте эту дверь	129
Магическая слизь	134
Вампиры на ужин	138
 Глава пятая. Рожденные в рубашке. <i>Живые вампиры</i>	145
Поймать волка за хвост	145
Смерть волкам!	151
Да здравствует волк!	160
Все твари земные, кроме летучей мыши	167
Молочные зубы	171
Две души, два сердца	179
Охотники на вампиров	186
Земля скорби	192
 Глава шестая. Растирзанный демоном. <i>Пожиратели савана</i>	200
Вампир в Академии	200
Во всем виноват папа	206
Не жуй с открытым ртом	210
Ведьма-вампир	215
Ведьмы-каннибалы и пряничные домики	218
И только мертвый может явиться мне во сне	223
С запада — дьявол, с востока — ожившие мертвецы	227
Демоны Лютера	232
Темное сердце Лейпцига	237
И вновь небесного волка низвергли	240
Сухое и влажное	247
 Глава седьмая. Кабинет доктора Парацельса. <i>Гомункулы, порожденные жаждой мести мертвых</i>	253
Жажда крови	253
В начале была месть	258
На месте преступления	260
Живая кровь: чудо для католиков	264
Живая кровь: знамение для протестантов	267

Живой, как мумия	270
Вампиризм как «мумиальное» явление	274
Чудеса, с сотворенные воображением	278
Там, где обитают фантастические создания	282
Но разве вампиры жевали саваны?	286
Кто появится в моем воображении, тот умрет!	289
 Глава восьмая. Обыденный ужас.	
Пронзенные посмертной магией	293
Пустые колыбели Силезии и Моравии	293
Больше раскопок — больше находок	299
Вампир как преступник	302
Фабрика вампиров	306
И снова взглянем на Рим	313
Закон, чтобы обойти закон	316
Судите и наказывайте этих подземных мятежников	320
Развеять страх	327
Ведьма, затерявшаяся на фабрике	331
 Глава девятая. Что, если все иначе?	
Громкие, как барабаны, мертвцы	335
Бурное море Миконоса	335
Были ли вампиры у древних греков?	341
Вампир-еретик	346
Если не подчинишься — обращу в вампира	350
Волки и барабаны	356
Вампир, который играл в мяч	362
Какого цвета смерть?	367
Далеки от чистилища	371
 Глава десятая. Психоанализ огня. Тела, объятые пламенем	
Всего лишь час — и от мертвых ни следа	375
Контроль подземного бытия	380
Основы геотеологии	386
Северные возвращения	391
Ностальгия по пламени	398

Драугр, сводящий с ума	402
А что, если первый вампир был англичанином?	406
Открытие огня	409
Все чистилища мира	418
Глава одиннадцатая. Пасхальные яйца. <i>Нетленные тела</i>	426
Дары смерти	426
Гробница, омытая кровью	430
Святые или вампиры?	436
Богословский «бестселлер»	443
Погребенные заживо!	447
Католическое контрнаступление	452
Нетленность или сохранность?	456
Развращенное воображение	460
Возвращение вампира	465
Зло — это болезнь?	468
Когда мир открыл «фабрику вампиров»	472
Наука на службе у политики	475
Вампир, запрещенный законом	480
Эпилог	484
Примечания	492

ПРОЛОГ

Христос никогда не воскресал. Его тело попросту похитили, чтобы люди поверили в сбывающееся пророчество. И понеслось: свидетельства, воспоминания, истории. Да, действительно, Матфей писал, что на следующий день после смерти того, кто называл себя Сыном Божиим, первосвященники и фарисеи явились к Пилату с предупреждением: «Господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: „После трех дней воскresну“». Итак, прикажи охранять гробницу до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: «Воскres из мертвых», и будет последний обман хуже первого» (Мф 27: 63–64). Услышав это, Пилат выставил солдат на охрану гробницы. Правда, стражники эти от страха «стали, как мертвые», когда на рассвете «первого дня недели» пришли «Мария Магдалина и другая Мария», и «сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем» (Мф 28: 2), возвещая о воскресении.

Впрочем, не так и важно, испугались те солдаты или нет, но само их присутствие подтверждало то, что никто не имел доступа к могиле — ни днем, ни ночью: а все же это произошло. Выходит, прямо перед изумленным взором караульных.

Любопытно, однако, что в других Евангелиях, по крайней мере канонических, ни о какой страже и вовсе не

упоминается. В них рассказывается, как, подойдя к могиле, женщины увидели, что камень гробницы сдвинут с места (Мк 16: 4; Лк 24: 2–3; Ин 20: 1)¹. Значит, все случилось еще до рассвета. Словно кто-то очень спешил, не дожидаясь истечения трех дней. Конечно, Бог не смотрит на часы, и в таких делах важен только ритм сердца. Но, откровенно говоря, трудно понять причины такой поспешности в планировании самого важного события в истории человечества:

Если Бог хотел воскресить Иисуса, сотворив всеобщее чудо, почему Он не сделал этого днем, на глазах у всех? Почему пустую могилу обнаружили только рано утром, да еще и без единого признака того, что отличало бы сверхъестественное воскрешение от тайного похищения тела?²

Будем откровенны: если не брать в расчет слова Матфея, то сцена у могилы, явленная «Марии Магдалине и другой Марии», ничем не отличалась от той, что предстала бы взору случайного наблюдателя, оказавшегося у гробницы, из которой в ночной темноте кто-то выкрал тело. С чего все должны поверить в воскрешение без свидетелей? Только потому, что некий Иисус назвал себя Сыном Божиим? Нет, это явно не на пользу его фантастической версии. И что тогда он делает? За сорок дней до восхождения на небеса он является исключительно своим последователям. А почему не Понтию Пилату и римлянам? Спросить бы напрямую, лицом к лицу: «Почему ты не явился в храме, перед людьми, перед первосвященниками? Почему не пришел к простым евреям?»³ Тогда бы ты мгновенно добился всеобщего обращения в свою веру и избавил христиан от преследований и гонений.

Из-за таких вопросов история воскрешения кажется несостоятельной. Таково, во всяком случае, мнение философа просвещения Германа Самуила Реймаруса: он упоминает,

что тело Христа положили в гробницу, заранее приготовленную для Иосифа Аримафейского — христианина, который между тем не распространялся о своем религиозном выборе. Но во вторую ночь, как полагает Реймарус, тело вынесли из гробницы. Что ж, человеческое, слишком человеческое. А после возвестили о чуде. Заголосили о нем. Потому что слова способны творить историю и создавать факты. Даже самые невероятные.

Непросто было объяснить такое — и тогда, и даже в наши дни. Но Реймарус, критикуя священную историю, все же хотел сохранить образ примирителя так называемой «естественнной религии» и христианства, которого он не отрицал, и в целом поддерживал идею о бессмертии души⁴. Вот почтому, с пристрастием перечитав написанное, он засомневался и в итоге решил не печатать рукопись. Только после смерти ученого Готхольд Эфраим Лессинг опубликовал его труд⁵. В самом деле, чтобы вслух заговорить о подобном, нужна немалая смелость. И еще, наверное, воображение — сходное с тем, какое было у безумца Карла-Фридриха Бардта, этого *enfant terrible* среди богословов. Обладая чутьем романиста, он написал текст о «просвещенном самостоятельном мыслителе». Может, одно из самых гениальных сочинений, когда-либо созданных человеком^{*,6}.

Но все же, какие у нас есть факты? Иосиф Аримафейский действовал, возможно, через супругу Пилата: замысел был в том, чтобы представить себя другом Рима, чтобы именно ему доверили тело Иисуса. Только вот в чем дело: Иисус не умер в тот день. Распятие, бесспорно, было пыткой, но не такой, что за несколько часов лишала человека жизни. Это скорее был акт остракизма. И Христос

* Речь идет о трактате Бардта «О просвещении и средствах ему способствовать». — Здесь и далее, если не указано иное, примечания принадлежат переводчику.

сомневался, сможет ли вынести его: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?» В тот момент он, скорее всего, потерял сознание, и не исключено, что с помощью некоего специально приготовленного вещества. Или, как предполагали позже, впал в состояние мнимой смерти⁷. Пограничное состояние, которое — при определенном дежножном вознаграждении солдатам — могло быть принято за реальную смерть. И вот тогда, предположим, Иисуса перенесли в гробницу, где Никодим или кто-то другой согрел его и натер принесенными заранее мазями, чтобы в конце концов свершилось то, ради чего все это и было затеяно: воскрешение Сына Божьего.

Что ж, мы, кажется, вынуждены предположить, что все эти слаженные действия стали результатом давних совместных решений, принятых в кругу приближенных Иисуса; что сам Иисус контролировал ход истории до конца; и что заранее прописанный сценарий был единственной причиной, по которой он — с одной стороны — выбрал столь жестокий метод для устранения Мессии, а с другой — так мужественно и стойко держался под пытками⁸.

Рационалистическая критика, скажут нам, — не первая и не последняя — ставит под сомнение воскресение *par excellence*, обращая пристальное внимание на нестыковки в речах свидетелей. Да, в подобной критике много провокаций, много беспочвенных суждений, но все же она не лишена осознания того, насколько сложно понять и передать динамику невероятного события, произошедшего в уединении гробницы. В своего рода не-месте, в нульмерном пространстве, где может случиться все что угодно. Отсюда и две тысячи лет споров.

Могилы созданы для того, чтобы хранить тела и тайны. Открытые гробницы могут, конечно, дать ответы, но зачастую весьма противоречивые. А еще они легко превращаются в эхо-камеру, где каждый выкрикивает свою

правду — лишь бы услышать отголосок собственных слов. Мы не знаем наверняка, что и как произошло в гробнице Христа. Возможно, этот вопрос и вовсе не поддается историческому анализу, во всяком случае, он не является темой данного исследования. Но никто не в силах избавить человека от интереса к неведомому. Сотни раз уже проводились раскопки в поисках доказательств воскрешения. Только, отметим, не того, божественного воскресения, а воскрешения совсем иного толка — с печатью проклятия. То были раскопки зловещих могил — столь нечистых, что на них никогда не снизошла бы благодать. Но, так или иначе, даже и в тех гибких местах открывались тайны, сокрытые под землей, под тяжелыми надгробиями.

Ни ангелов Господних, ни молний, ни землетрясений не было, когда мертвые приходили в мир живых. И такое возвращение становилось бедствием и для восставших из гроба, и для всех остальных. Новости о воскрешении того или иного покойника распространялись мгновенно. Так, из XVIII века до нас дошли «сведения» о том, как мертвые открывают глаза, как они выходят из могил и бродят по пустынным ночным дорогам. По сути, это были рассказы о неких сущностях, которые являлись внезапно и с единственной целью — погубить живых. В сохранившихся текстах упоминалось о далеком свечении в ночи, о том, что выходцы из загробного мира называли имена будущих жертв; о том, что тела мертвцев выглядели как живые, а иногда еще и способны были произносить слова, во всяком случае, проклятия, обращенные к тем, кто обнаружил их укрытие. Потому что именно гробница, в которой лежит «живое» тело — какое бы значение ни вкладывалось в это определение, — доказывает возможность воскрешения. А не пустая могила.

Но тот, кто решался провести собственное расследование, раз от раза сталкивался с одной и той же задачей:

проникнуть в гробницу в нужное время. То есть найти тело до того, как оно по той или иной причине оттуда исчезнет. А еще — получить достоверные свидетельства, общаясь с очевидцами. И в случае с событиями XVIII века лучше всего было, когда собеседниками становились простые люди с окраин империи, а не западноевропейские интеллектуалы и богословы, которые как бы свысока, со всем снобизмом, на какой только способны, выражали негодование по поводу этого «помутнения рассудка», мотивируя свое отношение пропастью между их высоким культурным уровнем и отсталым миром с его газетными новостями. Впрочем, с подобными снобами все ясно. Нам же предстоит изучить не столько историю противостояния вампиризму, сколько историю его зарождения. Не столько опровержение мифа, сколько его создание. Исходя из этого, на события XVIII века, связанные с возвращенцами с того света, и их последующие литературные переосмысления мы будем смотреть как на предысторию вампиризма *à la* Дракула и в этой книге попытаемся пролить свет на предпосылки самих этих событий XVIII века.

Самое интересное — свидетельства тех, кто утверждал, что стал жертвой вампира, или, скажем, отрубил этому живому мертвецу голову, или распорол ему грудную клетку, вытащил сердце и предал эту страшную добычу очищающему огню. В общем, вооружившись чесноком и святой водой, мы попытаемся создать нечто похожее на «интервью с вампиром». Чтобы — насколько это возможно — здесь и сейчас зазвучали голоса тех, кто, как считалось, мог перемещаться между мирами — живых и мертвых, чтобы они поведали о той культуре, которая определила их статус. Чтобы приоткрыть дверь в их тайный мир. А, по правде говоря, все это нужно для того, чтобы отыскать новые смыслы и интерпретации в нашем собственном мире.

Что тут скрывать: мы всегда относили рассказы про вампиров к причудливым балканским верованиям, которые не имеют ничего общего с изысканным обществом, обсуждающим политику, философию и теологию. Мы были уверены, что прав Бенедикт XIV, отрицавший саму возможность существования возвращенцев с того света. Мы не оспаривали правоту Вольтера, смеявшегося над подобными историями. Но, скорее всего, во время такого воображаемого интервью вампиры с презрением отозвались бы о философе, который притворился чуть ли не монахом, чтобы попасть в богатейшую монастырскую библиотеку, где наконец смог бы удовлетворить интеллектуальное любопытство*. Но, прежде всего, вампиры не постеснялись бы сказать, что если в чьем-то существовании и стоит сомневаться, так это в существовании папы римского. И что одно только присутствие их проклятых нетленных тел способно поколебать основы beatификации и канонизации святых, которые сам папа защищает с Библией в руках. Вампиры заметили бы, что, несмотря на показное самодовольство, культура Западной Европы насквозь пронизана противоречиями, которые нежить давно распознала и разоблачила. А может, они прошептали бы, что, скрываясь под масками, незаметно для нас уже завоевали Берлин, Париж и Рим.

Свидетельств о встречах с вампирами множество — все они разные и на разных европейских языках. Так как же разобраться в столь многочисленных и разнородных источниках? Из всего, что написано по нашей теме, мы остановимся на самых, можно сказать, личных записях — и старинных, и уже из Нового времени, на тех, в которых переплетаются и сами свидетельства, и попытка понять, что все-таки

* В 1749 году Вольтер провел около месяца в Сенонском аббатстве, настоятелем которого был Огюстен Кальме. Подробнее об этом см. в одиннадцатой главе.

произошло. В итоге получится своего рода естественная история, возрождающая один за другим образыочных кошмаров Центральной и Восточной Европы. Легко сказать «вампир», стирая границы между бесконечными обличьями восставших мертвецов. Но если привести имена всех этих сущностей, то получится не просто адский словарь, а настоящий вампирический катабасис, созданный под ритмы природы — умирания и воскрешения — с поздней осени 1731 года, с появления первых тревожных новостей до весны 1755-го, до той весны, когда солнце разума и надежды рассеяло тьму, когда все же приняли меры, чтобы положить конец этому первобытному страху.

От тьмы — к свету, от холода в жилах — к теплу на коже: фокус на отдельных эпизодах взаимодействия с потусторонним злом станет ключом к историко-критической реконструкции определенных моментов в развитии нашего образа мышления и, более того, — бытия. Иначе говоря, мы воссоздадим исторический процесс, в центре которого оказались существа, ныне отнесенные к разряду фантастических.

Проведем небольшой методологический эксперимент. Представьте, что мы сейчас рядом друг с другом и я прошу вас рассказать мне о предмете, который вы держите в руках. Смею предположить, вы скажете что-нибудь об этой книге. И ваше описание будет частично определяться характеристиками предмета, а частично — вашей собственной историей и восприятием, которые и повлияют на описание. Например, если вы обладаете особой чувствительностью к цвету, вы ответите: «Я держу в руках книгу с темной обложкой». А если вы киноман, то ответ может быть таким: «Передо мной кадр из фильма „Вампир“ Карла Теодора Дрейера»*. Любители литературы обратят внимание

* Имеется в виду оригинальное издание книги.

на сам текст и отметят: «Стиль этого автора напоминает мне тексты такого-то и такого-то писателя». Но если я по-прошу вас: «Расскажите мне о вашем воображаемом друге, который живет у вас в шкафу», то вы уже не сможете обратиться к внешнему явлению или объекту, ничто извне уже не сможет стать ядром ваших размышлений и ответов. И то, что вы мне расскажете, будет зависеть исключительно от того, кто вы есть. Ответ на этот вопрос откроет мне вашу сущность⁹.

Как бы странно это ни прозвучало, книга, которую вы сейчас читаете, сосредоточена вокруг небытия. Это, можно сказать, эпистемологическая история несуществующих объектов¹⁰. Но вовсе необязательно из-за этого отвергать их как то, что никоим образом не способно повлиять на наш мир или, к примеру, как то, что не способно ничего добавить в нашу копилку знаний о нем. В конце концов, разве имеют внементальную реальность математические абстракции — фигура, уравнение или же наши идеалы справедливости и любви? Хотя, как Г.П. Лавкрафт сказал словами Джерваса, героя рассказа «Склеп», попавшего в больницу для умалищенных, «люди широкого кругозора прекрасно знают, что нет четкого различия между реальным и нереальным и что на все явления человек смотрит сквозь увеличительное стекло собственных, зачастую ошибочных представлений, физических и психических особенностей»¹¹.

Смерть, надо сказать, дама застенчивая и со склонностью к ностальгии: она ничего не рассказывает о себе, предпочитая говорить о жизни. Поэтому к ней и обращаются, чтобы она раскрыла тайны не того, иного мира, а — этого. Чтобы восстановить прежде невиданные, сокрытые от всех образы нашего прошлого. Да что там — и нашего настоящего. Мы можем не верить в вампиров, но они верят в нас. И им вполне по силам узнать, кто мы на самом деле.